

Философия сознания и осознание философии в интерьере советской эпохи*

С.М. Климова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена актуальной теме в истории советской философии – философии сознания в 50–70-е гг. Проблемы философии сознания представлены с точки зрения идей свободы и несвободы, дискуссий вокруг проблемы идеального, специфики индивидуального и общественного сознания, оппозиции философского и научного дискурсов. Важной частью исследования является реконструкция некоторых межличностных коллизий того времени. Статья содержит интервью с главным научным сотрудником Института философии РАН, участником Великой Отечественной войны Д.И. Дубровским, выявляющее личностные и теоретические аспекты его жизненного творчества. Методы анализа – биографический, связанный с категорией ментальности, позволяющей за разнородностью взглядов и идей советских философов обнаружить единую интеллектуальную и жизненно-ценностную ориентацию «шестидесятников», и историко-ретроспективный, демонстрирующий особенности советской философии и образа жизни советского философа в конкретный период. В статье затрагиваются процессы институализации философского сознания в шестидесятые годы, показан передовой характер таких учреждений, как Институт философии и ИНИОН, в которых работали философы, обладавшие не только самобытным видением проблем философии, но и ставшие проводниками, связывающими в единое отечественную и мировую мысль. В советской философии 50–70-х гг. было немало ярких, способных на поступки личностей, для которых истина и «борьба противоположностей» за нее были важнее политкорректности и всеобщего равнодушия. В статье обосновывается передовой характер советской философии сознания в 50–70-е гг., вопреки устоявшимся стереотипам и некритичным смешиваниям в одно целое разных этапов истории советской философии. Статья направлена на преодоление идеологиче-

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00646а «Советская философия сознания 1950–80-х годов: концепции, гипотезы, споры».

ских и мифологических стереотипов вокруг феномена «советское» в целом и советской философии сознания, в частности.

Ключевые слова: философия сознания, оттепель, свобода, идеальное, субъективная и объективная реальность, дискуссии.

Климова Светлана Мушаиловна – доктор философских наук, профессор Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

sklimova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0974-552X>

Для цитирования: Климова С.М. Философия сознания и осознание философии в интерьере советской эпохи // Философские науки. 2020. Т. 63. № 5. С. 126–148. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-5-126-148

Philosophy of Mind and Awareness of Philosophy in the Interior of the Soviet Age*

S.M. Klimova

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Abstract

The article examines a topical issue in the history of Soviet philosophy – the philosophy of mind in the 1950s–1970s. The problems of the philosophy of mind are presented from the point of view of the ideas of freedom and non-freedom, discussions around the problem of the ideal, the specifics of individual and social consciousness, the opposition of philosophical and scientific discourses. An important part of the study is the reconstruction of some of the interpersonal collisions of that time. The article contains an interview with the chief research fellow of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences D.I. Dubrovsky (who started his philosophical career in the 1950s), revealing the personal and theoretical aspects of his life and work. Using biographical method, the author demonstrates that, behind the heterogeneity of views and ideas of Soviet philosophers, there is a single intellectual and life-value orientation of the generation of the 1960s. In historical retrospective, the author shows the features of Soviet philosophy and the way of life of the Soviet philosopher in that period. The article describes the processes of institutionalization of philosophical consciousness in the 1960s,

* The research is supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) no. 20-011-00646a “Soviet Philosophy of Mind of the 1950s–1980s: Conceptions, Hypotheses, Debates.”

shows the advanced nature of such institutions as the Institute of Philosophy and the Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) of the USSR Academy of Sciences, in which worked philosophers who not only had an original vision of the problems of philosophy but also were mediators between national and world thought. In Soviet philosophy of the 1950s–1970s, there were many bright, capable individuals, for whom the truth and the strive for it were more important than political correctness and general indifference. The author reveals the advanced nature of the Soviet philosophy of mind in the 1950s–1970s, in spite of the established stereotypes and uncritical mixing of different stages in the history of Soviet philosophy into one whole. The article is aimed at overcoming ideological and mythological stereotypes around the “Soviet” phenomenon in general and the Soviet philosophy of mind in particular..

Keywords: a philosophy of consciousness, thaw, a freedom, in ideal, subjective and objective reality, discussions

Svetlana M. Klimova – D.Sc. in Philosophy, Professor, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.

sklimova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0974-552X>

For citation: Klimova S.M. (2020) Philosophy of Mind and Awareness of Philosophy in the Interior of the Soviet Age. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 5, pp. 126–148.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-5-126-148

Введение

Сегодня имеет место общественный запрос на историю советского времени, на интервью с еще живыми свидетелями «истории вчерашнего дня». Тому много причин. Одна из важнейших – глубокое разочарование в бездушном и циничном настоящем, другая – потребность очистить свою память от налета перестроечной мифологической ржавчины, которой мы оказались покрыты в «90-е» и продолжаем обрастать до сих пор; необходимо переосмыслить и историю советской философии.

Неизбежным образом история советской философии будет сужать свои описательные границы по мере того, как будет истончаться слой тех, кто еще помнит, как это было «на самом деле». Поэтому важно не упустить детали воспоминаний тех, чьи имена и идеи вдохновляли нас многие десятилетия. Это справедливо и по отношению к нашему поколению, людей, прошедших фило-

софскую школу в начале 80-х; и к тем, кто пришел за нами – в смутные 90-е; к тем, кого сегодня относят к поколению «миллениума» – родившимся в СССР, но закончившим школу уже в другой стране. Наше поколение еще понимает, что такое «единство ценностных интенций сознания, интеллектуальных категорий, сценарии мышления... стереотипы и эмоциональных, и поведенческих реакций» [Тюпа 2008, 11]. Нам еще присущ общий культурный код под названием «советский менталитет». В этом смысле мы являемся не только «продуктами эпохи», «превращенными формами» общественного сознания того времени, но и живыми людьми, наделенными способностью переживать свое прошлое как органическую часть самих себя и своей родины.

Сегодня появилось немало публикаций о советской философии, которые заслуживают доверия и представляют интерес для обобщений. Можно назвать работы Н.Н. Козловой [Козлова 2005], С.Н. Корсакова [Корсаков 2017], В.И. Красикова [Красиков 2010], Л.Н. Митрохина [Митрохин 2004], а также сборник «Как это было: воспоминания и размышления» под редакцией В.А. Лекторского [Как это было... 2010] и др. Особый интерес как историческое свидетельство представляет книга профессора Н.В. Мотрошиловой. Лейтмотивом ее работы стала концепция определения «места философии и философов в исторически развивающемся обществе» [Мотрошилова 2012, 2]. Она описывает дискуссии отечественных мыслителей в 50–80-е гг., которые определены как наиболее значительный этап в развитии советской философии. Это книга о времени и о себе.

Обратимся к 50–70-м гг., к знаменитому периоду нашей истории, известному под названием «оттепель», и посмотрим на некоторые проблемы философии сознания сквозь биографическую призму судьбы отдельного человека. В основе данной статьи лежит интервью-воспоминания доктора философских наук, главного научного сотрудника ИФ РАН, профессора Давида Израилевича Дубровского. Его имя хорошо известно всем, кто следит не только за современной философией, но и интересуется прежними философскими дискуссиями о природе сознания. Некоторые из них он спровоцировал сам в своих полемических статьях [Дубровский 1968]; его философская позиция оказалась связана и с его личной судьбой: она вызывает неподдельный интерес читателей и искреннее уважение к судьбе советского человека.

Предыстория

Все помнят, что 50–70-е гг., годы оттепели, отмечены философскими дискуссиями «физиков и лириков»; постсталинский мир дарил надежду на невиданную свободу мысли, учиться которой призывали прогрессивные молодые философы; многие из них были участниками Великой Отечественной войны, и это не могло не отразиться на судьбе поколения. Многие шестидесятники вышли из провинциальной среды и стали примером «сделавших сами себя» [Мотрошилова 2012, 27] людей, главной характеристикой которых стала переоценка ценностей и мировоззрения предыдущего поколения. Для меня это наблюдение кажется весьма симптоматичным и вполне сопоставимым с процессами развития интеллигентского сознания в России в 50–60-е гг. XIX в., когда на смену дворянской элите в культуру пришли разночинцы, радикально изменившие облик своего времени и его идейные векторы.

Советская философия представляет собой отнюдь не однородное явление. Можно сказать, что советская «разночинная»¹ молодежь пришла на смену идеологизированным партийцам и «истматчикам». Возможно, по случайности, но многие из них оказались в Институте философии и в ИНИОН (1969 г. основания), странном для официозной системы месте, своеобразном «рефугиуме» (выражение Л.А. Резниченко – редактора журнала «Человек») многих опальных ученых. Вот как оценивает это место В.И. Красиков: «Институт философии и, отчасти, столичный философский факультет, оставался единственной структурой, где – по его личному составу и некоторой разрешенной свободе – сохранились условия для внутренней содержательной дифференциации» [Красиков 2010]. В разные годы там работали Г.С. Померанц, Е.Б. Рашковский, И.Б. Роднянская, Р.А. Гальцева и другие. В ИНИОН был важнейший в стране библиографический отдел, куда стекались сведения о мировой литературе в области общественных и гуманитарных наук; не менее значимыми были реферативный и аналитические отделы. В ИНИОН работали, пожалуй, одни из самых образованных людей в нашей стране – переводчики, референты различных отделов и отраслей знания, создатели

¹ За этой условной номинацией стоят разные судьбы и биографии. Так, например, Э.В. Ильенков был сыном знаменитого в те годы писателя В.П. Ильенкова – лауреата Сталинской премии, а Д.И. Дубровский был сыном рабочего Донецкого завода, сам пришел в вуз в буквальном смысле от станка. Этот аспект нельзя забывать, занимаясь всякого рода обобщениями и классификациями.

знаменитых «Реферативных журналов» (РЖ), благодаря которым каждый желающий мог приобщиться к текущим достижениям мировой мысли.

ИНИОН был для научного сообщества своего рода формальным и неформальным окном в мир и «полуостровом полу-свободы», откуда научные идеи просачивались и растекались по сообществу через неформальные семинары, беседы и т.д. Пропуск в ИНИОН можно было взять только по направлению от госучреждения, но получить такое направление не стоило большого труда.

В одной из бесед с профессором НИУ ВШЭ В.Н. Порусом мы разделили точку зрения, что обостренное чувство свободы, характерное для этой эпохи, нашло свое воплощение именно в философии сознания. Иными словами, борьба за свободу шла именно в области сознания – области, наиболее свободной от догматики. Другая тенденция была связана с культом науки, в которой также видели стержень свободы.

Несмотря на эти прогрессивные тенденции, подлинной «сменой вех» процесс обновления в советской философии можно назвать весьма условно. Официальный марксизм, представленный именами ее ортодоксальных пропагандистов – академиками М.Б. Митиным, П.Н. Федосеевым, Ф.В. Константиновым и т.д., не потерял своего влияния и в оттепель. Философия еще долгие десятилетия оставалась на страже идеологических интересов партии, будучи пресловутым проводником между ней и народом. В первой половине 50-х она еще полноправно участвовала в расправах над инакомыслящими. Во второй половине 50-х официальная философия точно так же успешно разоблачала культ личности, соблюдая верность линии партии и правительства. Даже в сфере полемики о природе и функционировании сознания становилось все больше категорических суждений и открытых столкновений.

Светлана Климова: *Давид Израилевич, Вы поступили на философский факультет Киевского университета в 1947 г., вскоре после войны, а закончили его в 1952 г. Что Вам запомнилось особенно в те годы?*

Давид Дубровский: *За годы учебы пришлось пережить многое. Настроение тревоги усугубляла волна антисемитизма в университете и слегка припудренный украинский национализм. Я был свидетелем борьбы с космополитизмом, яро развернувшейся на идеологическом фронте философского факультета в Киеве в то*

время. Из ярких негативных воспоминаний того времени, помимо борьбы с туберкулезом легких и позвоночника, которую мне пришлось пережить в студенческие годы, запомнилась моя «борьба» за право написать дипломную работу на тему, не указанную в официальных списках факультета. Темы для дипломов предлагала кафедра. На философском факультете было три отделения: логика, психология, диамат. Я специализировался по логике. Практически все темы касались «гениального вклада» в философию и науку классиков марксизма-ленинизма и конечно в первую очередь, великого вождя советского народа товарища Сталина. Я же решил написать диплом о понятиях пространства и времени в египетской иероглифике, рассматривая соотношение этих понятий и практической деятельности в развитии древнеегипетской цивилизации. Звучала тема вполне по-марксистски, но она оказалась руководству кафедры весьма одиозной. Пришлось пройти бурное обсуждение, выдержать нападки одних преподавателей и слабую, с оглядкой, защиту со стороны других. В итоге все же удалось отстоять свое право писать о том, что самому было интересно. Уже тогда я научился обходиться без руководителей, сам для себя решая, что для меня важно, а что нет.

Мне думается, что подобное своеволие для молодого человека того времени было все же скорее исключением, чем правилом. Д.И. Дубровский в 14 лет убежал на фронт, и закончив войну, в 16 лет начал работать на заводе токарем, учился в вечерней школе. Уже в 1947 г. он сдал экзамены экстерном на аттестат зрелости и поступил в университет. А это, согласитесь, уникальные обстоятельства для формирования характера молодого человека. В мое студенческое время, гораздо более лояльное и мирное, мы все же не могли чересчур вольничать, несмотря на застой, явное ослабление коммунистического воспитания после смерти Л.И. Брежнева, и даже на тот факт, что нашими преподавателями были те самые шестидесятники, о судьбе одного из которых, эта статья.

Другим знаменательным событием жизни Д.И. Дубровский назвал введение в 1952 г. преподавания логики и психологии в школах. Его распределили в среднюю школу г. Донецка. С этого момента началось увлечение психологией, процессами работы мозга, понимание неразрывной связи сознания с мозговой активностью субъекта. В 1954 г. преподавание логики и психологии отменили, и молодой выпускник университета стал в школе

преподавателем труда (слесарного дела). В 1957 г. была введена философия во всех вузах как обязательный предмет². Благодаря этому, Д.И. Дубровский был принят на работу на кафедру философии в Донецком медицинском институте (1957–1970).

После смерти Сталина в стране произошло нечто, что оказалось важнейшим прорывом догматизма и официальной позиции марксистско-ленинской идеологии. Началась нешуточная борьба философских идей, концепций и подходов, временами выходявшая на поверхность специальных журналов и даже таких СМИ, как «Комсомольская правда» и «Литературная газета». В этой борьбе часто использовался административный ресурс, то есть привлечение на свою сторону партийных идеологов.

В период «застоя» идеологический контроль государства и партии значительно усилился. Крах надежд оттепели сказался на личной судьбе ярких представителей этого направления. Одни покинули родину, как А.А. Зиновьев или А.М. Пятигорский, другие даже покончили жизнь самоубийством, как это сделал Э.В. Ильенков.

В.Н. Порус высказал мнение, что причина заключалась не только во внешнем давлении системы на свободную мысль. Имела место катастрофа ее обретения – многие философы неожиданно обнаружили, что, выступая за защиту свободы мысли, объективации ее форм и т.д., они защищают неких идолов системы, жестко подменяя свободу мысли под ее соответствие «идеалам коммунизма» и «всесторонне развитой личности».

Тем не менее было и нечто принципиально новое в эпохе оттепели. Философия вступила в пространство подлинно *научной полемики*. «Опора на научное знание казалась им в тех условиях единственно возможным и единственно надежным способом изменения той социальной действительности, которая их не удовлетворяла. Философия была понята ими как теория познания, точнее, как теория научного познания» [Лекторский 1998, 3]. Н.В. Мотрошилова указала, что 50–80-е гг. в нашей стране были отмечены базовой антиномией, связанной с одной стороны, с

² Скорее всего, в ближайшие годы мы будем свидетелями ее очередного уничтожения в вузах страны. Отменить ее собираются те, кто до сих пор считают, что философия – это идеология и источник опасности для умственного развития человека. Современные студенты уже сейчас слегка напоминают оцифрованных людей из будущего, которые ценят только информацию, не любят задумываться, но очень любят схемы мысли, «правильную логику» и «правильные ответы» по всем вопросам, в том числе, в области морали, религии и психологии.

тем, что она назвала своей «делянкой»: «марксистско-ленинско-сталинской идеологией», а с другой – с открывавшимся в это время универсализмом философской мысли, ее включенностью в западные тенденции.

С. К.: Какую роль играла цензура, приходилось ли Вам свободно высказываться и как можно было развивать универсализм философии в таких условиях?

Д. Д.: Все, кто занимался проблемой сознания (да и другими вопросами), писали, конечно, с оглядкой на административные установки. Необходимо было воздать должное классикам – известному «поминальнику», а затем можно было во многих случаях относительно свободно излагать авторскую позицию. Удостоверенность в том, что ты – преданный марксист, была главным пропуском к публикации. Запреты на публикацию традиционно были связаны с недостаточностью ссылок или на классиков, или на очередной съезд партии, или на пленум. Когда я написал книгу «Проблема идеального» в 1980 г., ее три года мариновали в издательстве «Мысль», так как у меня было мало требуемых ссылок на классиков марксизма и ничего не сказано о товарище Брежневе и последнем съезде КПСС. Я вставил шесть ссылок на разные цитаты из классиков и прошел контрольные рубежи (вышла она, наконец, в 1983 г.). Переиздавая книгу в 2002 г., я выкинул их, конечно, без всякого ущерба для содержания.

Что касается универсализма философской мысли, то здесь важно напомнить, что с историей западной мысли были хорошо знакомы многие крупные советские исследователи того времени – А.С. Богомолов, В.Ж. Келле, Н.В. Мотрошилова, Ю.К. Мельвиль, Т.И. Ойзерман, П.П. Гайденок, Э.Ю. Соловьев, Э.Г. Юдин и многие другие. Западные философы – то есть «буржуазные философы» – были исключительно «объектами критики» наших историков философии, но под критикой подразумевалось подробнейшее изложение их идей. Фактически получалась их пропаганда и распространение. Это делалось намеренно, но в рамках общепринятого нарратива того времени.

Именно в данном аспекте можно утверждать, что философия сознания становится в это время одной из самых злободневных и обсуждаемых в советском дискуссионном пространстве тем. «Сначала появилась группа «гносеологов»: Э. Ильенков, В. Коровиков, Г. Арефьева, В. Лекторский, Е. Плимак, Ю. Карякин и

др., провозглашавшие принцип тождества бытия и мышления, а предметом философии – познание, а не мир. Вторая группа – «диалектических станковистов» («диастанкуров»): А. Зиновьев, Б. Грушин, Г. Щедровицкий и М. Мамардашвили. Мышление, полагали они, – деятельность, которая располагает своими инструментами и орудиями по расчленению объекта, а предмет философии – познание и тем самым мир, данный через познание» [Красиков 2010].

Безусловно, это обострило и подняло на новый уровень, по сравнению со сталинским периодом и откровенной вульгаризацией материалистических положений марксизма, размышления о научности философии. Уточнялся и основной вопрос философии, большой ажиотаж вызвал спор о ее предмете («дело Ильенкова – Коровикова»), развивалась теория познания. Начался новый виток суждений о судьбе и специфике марксистской философии в СССР. В идею коммунизма была как будто внесена новая струя свежего воздуха. А коммунизм понимался как сообщество свободных людей, которое не может состояться без свободно мыслящей личности.

Условия и возможности для ее становления – вот центральный вопрос и новый виток в развитии философии в 50–70-е гг. XX столетия.

Важнейшим событием для философского сообщества стала пятитомная Философская энциклопедия (1960–1970)³. Заметным явлением для развития философии сознания стали словарные статьи: «Идеальное» (Ильенков), «Идеал» (Ильенков), «Сознание» (Спиркин), «Форма превращенная» (Мамардашвили), «Отражение» (В. Тютин, Я. Пономарев), «Теория познания» (Лекторский) и «Субъективное» (Лекторский).

С. К.: Как вы оцениваете роль Философской энциклопедии в обсуждении вопросов о природе сознания?

Д. Д.: Я считаю Философскую энциклопедию выдающимся явлением в советской философской литературе. В ней появилось множество интересных, по-новому прописанных статей, посвященных природе философии и ее проблемам. Для меня, например, очень значимой была статья Э.В. Ильенкова об идеальном. Она послужила стимулом для разработки этой проблемы, ибо уже

³ Весьма любопытно исследование С.Н. Корсакова о первом проекте («деборинской») «Философской энциклопедии» конца 20-х гг. и ее провале [Корсаков 2010].

тогда я придерживался другой позиции. Статья дала важный толчок для дискуссий о проблеме идеального и природе сознания. К слову сказать, я с большим интересом в свое время прочел его статью об эстетической природе фантазии [Ильенков 1967], всегда весьма уважительно относился к нему как философу. Свою же позицию я выразил в ряде статей, в том числе в статье «Физиологическое и логическое» в журнале «Вопросы философии» в 1966 г.; в книге «Психические явления и мозг» [Дубровский 1971], а затем наиболее подробно и систематично в книге «Проблема идеального». Это была первая в советской философской литературе монография по данной теме; она подводила итог разным позициям, бытовавшим в то время, и была направлена на реабилитацию индивидуального сознания, что сделать в тогдашних условиях доминирования общественного сознания в рамках гегелевско-марксистского подхода, было весьма непросто. Я пытался показать, что проблема индивидуального носит универсальный философский, а не прикладной, психологический характер.

В воспоминаниях о Философской энциклопедии, прежде всего о ее издании, хочу отметить заслугу Александра Георгиевича Спиркина (1918–2004). Формально энциклопедию возглавлял академик Ф.В. Константинов (1901–1991) – типично-партийный функционер, бывший в свое время заведомо ЦК КПСС, соратник М.Б. Митина, П.Н. Федосеева, П.Ф. Юдина. Эти люди были жрецами марксистской философии того времени. Эти же идеи, касающиеся природы сознания, но более качественно, были изложены в статье «Сознание» самим А.Г. Спиркиным. Ему многое приходилось преодолевать, чтобы слишком «неудобные» статьи были напечатаны. Особенно трудно шли темы по гносеологии, этике и эстетике.

Н.В. Мотрошилова пишет об этом так: «Именно Спиркин и Каменский (зав. редакцией. – С. К.) были принуждены общаться с теми философскими генералами, официальными и формальными руководителями издания..., которых Р. Гальцева метко назвала “Parteigenossen”, ...брали на себя смелость уберечь некоторые статьи от “всевидящего ока” и “указующего перста”» [Мотрошилова 2012, 40]. Свои воспоминания оставил и З.А. Каменский [Каменский 2010].

Д.И. Дубровский познакомился со Спиркиным, когда тот оказался его оппонентом на защите докторской диссертации «Пси-

хические явления и мозг: философский анализ проблемы» (1969); впоследствии они стали добрыми друзьями⁴.

Д.И. Дубровский накануне защиты диссертации опубликовал статью в «Вопросах философии» [Дубровский 1968, 122–135] с критикой позиции Э.В. Ильенкова и Ф.Т. Михайлова, открывшую многолетнюю полемику о природе сознания. Он пытался защитить так называемую психофизиологическую проблему и роль генетических факторов в формировании личности. В условиях доминирующей теории общественного сознания и абсолютизации роли воспитательного начала в становлении личности это было сделать непросто.

Эта критика обошлась ему дорого: трижды (!) пришлось перезащищать докторскую диссертацию в ученом совете, а четвертый раз в ВАКе.

Обзор учебников и монографий тех лет позволяет утверждать, что тема сознания не имела какого-то автономного статуса в философии, а была частью теории познания [Копнин 1966], [Тугаринов 1971], социальной теории [Батищев 1969], [Келле 1964], обращалась к соотношению проблем познания и науки, сознания и психики [Бирюков, Тростников 1977], [Тюхин 1978] и др. Важным элементом была связь сознания с психологией, теорией культуры, коммуникативными процессами (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман). Д.И. Дубровский назвал эти направления традиционными планами изучения проблемы сознания в советский период.

Безусловно, проблема сознания также преломлялась через ряд магистральных подходов, и весьма успешных, в философии: деятельностном, психологическом и естественнонаучном. «Психические явления составляют предмет исследования не только гносеологии, но и психологии, нейрофизиологии, кибернетики и других дисциплин» [Дубровский 1968, 130], – так философ сформулировал начало своей теории, получившей в итоге название «Информационный подход к проблеме сознания и мозга». Обстоятельная разработка этой теории была дана в его известной

⁴ Защита проходила в альма-матер автора – Ростовском государственном университете, где почти все ведущие преподаватели были на стороне Э.В. Ильенкова. Даже спустя 10 лет после этого события имя одного всегда произносилось с восторженным придыханием, а другого – с недоверием. Могли ли мы в те годы не повторять имя Ильенкова как мантру? Вряд ли, особенно, если диамат у вас ведет яростный поклонник последнего – марксист Алексей Алексеевич Щитов, к сожалению, рано покинувший этот мир.

монографии [Дубровский 1971]. Его исследования в области сознания во многом оказались прорывом, сближающим позицию философа с теоретическими подходами тогдашней нейрофизиологии, психологии, кибернетики, с одной стороны, и с аналитической философией, с другой. Последняя стала предметом его подробного критического анализа в части решения ею психофизической проблемы [Дубровский 1980, 3–86]. Одновременно все это пересекалось с разработкой проблемы сознания в широком философском контексте, с размышлениями о природе идеального, ставшими основой его знаменитого спора с Э.В. Ильенковым [Дубровский 1969, 142–146]. Нынче этому спору уже больше 50 лет.

В тогдашних спорах преобладала направленность на соответствие идей марксистским представлениям о природе идеального, на защиту материалистического понимания сознания. Дубровский показал водораздел между идеальным и материальным путем дифференциации субъективной и объективной реальности. Если, согласно Ильенкову, идеальное есть понятийное и всеобщее начало, обьективированное в «формах и нормах культуры», то Дубровский рассматривает идеальное как присущую каждому отдельному индивиду сознательную деятельность, представляющую собой субъективную реальность – первоисточник всякого знания и деятельной активности.

С. К.: Еще со времен Ф.М. Достоевского мы привыкли к критике вульгарной связи работы мозга с сознанием человека, его поступками и волей. Помните, Черт Ивана Карамазова красочно описывал «хвостики в нашем мозгу», которые всем, якобы, управляют, в том числе нашей свободой и волей. Конечно, Ваш спор с Э.В. Ильенковым очень важен для истории философии. Обвинения раздавались с двух сторон, и они мне показались весьма зеркальными. Вы обвиняете оппонента в излишней социологизации сознания, он Вас – в излишнем биологизаторстве. Мне эти позиции не кажутся принципиально разными. Помогите разъяснить Вашу позицию о природе сознания и идеального.

Д. Д.: Хочу вначале сказать, что Э.В. Ильенков вообще игнорировал биосоциальную проблему, имеющую стратегическое, судьбоносное значение для развития земной цивилизации. Сейчас это очевидно, ибо социум, возникший из живой природы, безоглядно уничтожает ее, а тем самым и самого себя. Уже в те времена этот губительный парадокс давал о себе знать, был

предметом обсуждения в западной литературе. Э.В. Ильенков же отстаивал радикально социологизаторскую позицию, доказывал, что формирование личности является не на 99, а на все 100 процентов (его слова!) социальным процессом; генетические факторы не играют в нем ни малейшей роли. Это относится и к развитию мышления, и к развитию социума в целом. Мои призывы учитывать роль генетических факторов в формировании личности и в жизни общества (с ссылкой на доказанные научные результаты) расценивались как «биологизаторство», «вульгарный материализм» и т.п. Мне приписывали такую глупость как отрицание первостепенной роли социальных условий, воспитания, культуры, чего нигде и никогда не было в моих работах. Но клеймо «биологизатора» сразу ставило меня в положение идеологического противника, и этим широко пользовались Э.В. Ильенков и особенно его многочисленные сторонники. То, что я доказывал тогда в таких острых баталиях, сегодня является общим местом. Давайте ясно посмотрим сейчас на позицию Э.В. Ильенкова. К сожалению, ее несостоятельность затушевывается, сглаживается, прикрывается его поклонниками высокопарной фразеологией. А меня до сих пор они именуют «биологизатором», «вульгарным материалистом», «криптопозитивистским софистом» и еще более хлесткими эпитетами [Ильенковские чтения... 2016, 52, 53, 100–101]. Такова магия имен и сила сложившихся мифологем в науке и философии.

Теперь о дискуссии по проблеме идеального. Категория идеального не просто определялась как субъективная реальность; мною была предложена развитая концепция субъективной реальности и индивидуального сознания. Сторонники Э.В. Ильенкова умалчивают, что именно мной была издана первая в нашей философской литературе монография по проблеме идеального, которая уже упоминалась ранее [Дубровский 1983]. В ней подробно рассматривались взаимоотношения идеального и психического, естественнонаучные и общественные аспекты проблемы идеального, феноменологический анализ структуры субъективной реальности, соотношение понятий идеального и отражения, идеи, идеала, идеализации (в гносеологии). Отдельная глава была посвящена социальной диалектике идеального и материального: соотношению материального и идеального в социальной деятельности и общении, процессам опредмечивания-распредмечивания в структуре деятельной способности социального индивида. Осо-

бое внимание было уделено анализу взаимосвязи общественного и индивидуального сознания, «личностному» плану общественного сознания, поскольку оно приобретает силу, действенность лишь тогда, когда его идеи становятся убеждениями множества социальных индивидов (о чем, как известно, говорил Маркс).

Были выделены два аспекта анализа общественного сознания: 1) по его содержанию (описание его конкретных идей) и 2) по способу его существования (в опредмеченном виде и в реальном действенном виде), что позволяло рассмотреть стадию возникновения новых общественных идей и учений; их авторство, процесс их распространения в массах; их слабую или высокую действенность; постепенное увядание господствовавшей ранее идеологии; и ее конец, когда она остается лишь в опредмеченном, архивном виде или достоянием одиночек; этот аспект анализа крайне важен для понимания необходимой связи общественного сознания с индивидуальным. Во времена дискуссии с Э.В. Ильенковым это было особенно актуально, так как он (это надо подчеркнуть) считал, что проблема индивидуального сознания не является философской, что это лишь психологическая проблема. Вслед за ним так считали многие философы. Поэтому моя концепция субъективной реальности представляла собой попытку реабилитации проблемы индивидуального сознания как специальной философской проблемы. Думаю, время подтвердило, что это было правильно.

С. К.: Насколько я поняла, дискуссию по проблеме идеального начали именно Вы, полемизируя по поводу книги Ф.Т. Михайлова, а отвечал Вам Э.В. Ильенков. В итоге родился знаменитый спор о природе идеального. Были ли Вы знакомы со своими оппонентами лично, велись ли Ваши знаменитые баталии очно.

Д. Д.: Я был знаком и с Ф.Т. Михайловым, и с Э.В. Ильенковым, но мы не вели очных споров. Мои оппоненты были слишком амбициозны, чтобы нисходить до такого уровня. К тому же «очные дебаты» не были тогда в моде. Они протекали на страницах журналов, сборников или отражались в официальных выступлениях на конференциях.

В ходе названной Д.И. Дубровским дискуссии в «Вопросах философии» было опубликовано ее участниками более десятка статей. В.И. Красиков выделил в ней несколько важнейших направлений. Если к первому по резонансной мощности он отнес

идеи Э.В. Ильенкова, то ко второй – идеи Д.И. Дубровского и Е. Черносвитова. Он отметил, что согласно их позиции, «дух» абсолютно противопоставляется материи «и “живет” в теле как его “квартиросъемщик”». Идеальное – это то, что делает из обшей, поступившей извне информации, мозг, вернее, как говорил Дубровский, “мозговой нейродинамический процесс определенного типа”... Позиция Дубровского хотя и позиционировалась самим автором как последовательно-материалистическая, на деле оформилась затем скорее в феноменологическую. Дубровскому явно симпатизировала ориентированная на естествознание и Канта часть сообщества, которой смертельно надоели гегельянско-марксистские заклинания, “магические формулы” о тождестве, взаимо-оборачивании материального и идеального, и которая благожелательно восприняла “трансцендентальную чистоту” идеального у Дубровского» [Красиков 2010].

С. К.: *Как Вы прокомментируете такую интерпретацию Ваших идей?*

Д. Д.: *Я как-то всегда не слишком заботился, к какому «изму» я принадлежу, понимая относительность этого и не желая быть с кем-то в слишком тесной компании. Да, я на первом этапе считал себя марксистом, опирался на те положения классиков, которые разделял. А у них, кстати, было много таких положений, которые целиком заслуживают поддержки, к тому же большая их часть была взята из классической философии. Но почти с самого начала я старался дистанцироваться от тех положений и разделов марксизма, которые вызывали сомнение или решительное несогласие. В высшей школе я читал лекции только по диалектическому материализму и всегда уходил от исторического материализма. Это позволяло быть в лекциях минимально заидеологизированным (на что начальство не раз обращало внимание и создавало мне хлопоты). Можно сказать, что я был материалистом и «частичным» марксистом. В такой же мере «частично» я был приверженцем и других «измов». Я старался четко формулировать проблемы, разрабатывал их, привлекая все положительные знания, созданные до меня. Думаю, многие философы поступали точно так же.*

Что касается оценок В.И. Красикова, которого я считаю крупным и оригинальным философом, то некоторые его суждения для меня не вполне понятны. К тому же я неожиданно узнал от

него, что свою концепцию идеального я разработал совместно с Е. Черносвитовым. Он был моим аспирантом в МГУ, по специальности – психиатр, постигал азы философии, работал над диссертацией, связанной с вопросами психиатрии, и имел косвенное отношение к моей концепции. Я многие годы изучал психиатрию, убежден в ее большом значении для проблемы сознания, поэтому он, как аспирант, был мне интересен. У меня с ним даже была одна совместная статья [Дубровский, Черносвитов 1979].

Красиков почему-то оценивает мою концепцию как феноменологическую. Я действительно разрабатывал феноменологию субъективной реальности. Но она была совсем не в смысле Гуссерля или Хайдеггера (то есть не в том смысле, как ее понимает Красиков); она служила, с одной стороны, для осмысления гносеологических и онтологических, а также других основных аспектов проблемы сознания, а с другой, для решения теоретических вопросов расшифровки мозговых нейродинамических кодов явлений субъективной реальности (способов их вычленения из «текущего настоящего», дискретизации и формирования личностных и межличностных инвариантов определенных явлений субъективной реальности с целью их исследования методами нейронауки). Мы тут с Красиковым в разных ментальных измерениях. Но он очень точно охарактеризовал столь знакомую мне ситуацию, в которой многим «смертельно надоели гегельянско-марксистские заклинания», «магические формулы» о тождестве, взаимо-оборачивании материального и идеального. Таков мой краткий комментарий.

Хочу, однако, подчеркнуть, что и сегодня в способах говорения/осмысления нашей советской истории мы охотно опираемся на репрессивно-тоталитарный нарратив. Сейчас легко делить всех на «правых» и «левых»; запросто осуждать партийцев и номенклатурщиков, хвалить и сочувствовать «пострадавшим от системы». В жизни все намного сложнее. В человеке есть самые разные напластования, зачастую официальный статус чиновника или «Parteigenosse», как было сказано ранее, совсем не мешал человеку проявить свои лучшие качества в отношении к конкретным людям: прийти на выручку, оказаться уникальным другом, протянуть руку сочувствия в самые трудные минуты жизни. А бывало, очень даже часто, и наоборот: мы готовы видеть в большом ученом чуть ли не святого, ум в России, как известно,

всегда приравнивался к совести и чести. Однако он как часто и ум, и талант не мешали многим из них ярко клеймить оппонента, да так, чтобы загнать его «куда Макар телят не гонял», опираясь зачастую и на свою твердую философскую позицию, и на рьяный полемический энтузиазм.

Фигура Э.В. Ильенкова всегда выглядела жертвенной. Он, безусловно, был очень ранимый и тонкий человек. Трагическая смерть – тому яркое подтверждение. Но можно ли сказать, что он жестоко пострадал именно от системы? И был ли он сам лоялен и демократичен по отношению к своим оппонентам? Можно ли назвать «дело Ильенкова – Коровикова» реальной репрессией против свободной личности? Ведь после вынужденного ухода из МГУ Э.В. Ильенков был принят на работу в Институт философии – и тогда, и сейчас это был наиболее свободолобивый орган мысли в нашей стране. Он продолжал свободно публиковаться, успешно защитил докторскую диссертацию и даже получил премию им. Н.Г. Чернышевского в 1965 году.

В этом аспекте убедительно звучат слова его научного руководителя – Т.И. Ойзермана: «На очередном ученом совете Щипанов и Черкесов яростно набросились на меня за то, что я покрываю “гносеологов” Ильенкова и Коровикова, которые проповедуют те же идеи, что и “известный вульгаризатор” Белецкий. Строго говоря, это было неверно. Но, к сожалению, Молодцов не возразил, а они стали требовать, чтобы аспирантов с кафедры уволили, а мне вынесли взыскание, до которого, правда, дело не дошло. Что делать? Позвонил Александрову: “У меня есть серьезный специалист Ильенков. Возьмете его?” – “А он действительно хороший?” – “Да, удивительно талантливый”. – “Тогда возьму”. И Эвальд Васильевич с радостью согласился» [Митрохин 2004, 56].

В 1980 г., когда уже не было Э.В. Ильенкова, его преданные соратники, которые оказались сотрудниками главного партийного органа страны – журнала «Коммунист», – главный редактор Р.И. Косолапов, зам. главного редактора Л.К. Науменко, зав. отделом науки и культуры Г.Н. Волков и академик Н.П. Дубинин, формальный автор⁵, инициировали публикацию разгромной статьи против многих отечественных генетиков и философов-«немарксистов»: «Наследование биологическое и социальное», обрушив свою критику, в том числе и на подход Д.И. Дубровского. Думаю, что все советские люди хорошо понимают, что это озна-

⁵ Как известно, статья была написана Л.К. Науменко.

чало. Журнал «Коммунист» был органом ЦК КПСС, рупором правильных установок партии и ее решений. Написанное там так просто «не вырубишь» никаким топором. Позиция в «Коммунисте» равнялась санкционированию на официально благословенную травлю. В ней не просто «развенчивалась» теория Дубровского: «так фраза за фразой, автор в своих софистических суждениях, отталкиваясь от биологизации социального, соскальзывает в плоскость проблем, имевших уже отнюдь не естественнонаучный, а общественно-политический аспект... Тут налицо – открытая ревизия марксистско-ленинского учения о природе сознания» [Дубинин 1980, 73]. Звучит, как судебный приговор. В обойму марксистской критики в статье попали выдающиеся генетики: академик Б.Л. Астауров и профессор В.П. Эфроимсон⁶. Дубровский оказался в этой компании за то, что подчеркивал в своих работах роль генетических факторов в формировании личности и выступал против фальсификаций в описаниях и результатах Загорского эксперимента [Дубровский 2018].

Судьба человека зачастую зависит от тех, кто встречается ему на пути. Участь философа после подобных оценок могла быть решена одним звонком из ЦК в администрацию МГУ, где он работал профессором философского факультета в то время. Но в дело вмешался Владимир Спиридонович Готт (1912–1991), о котором стоило бы написать отдельную статью. Этот человек практически спас Д.И. Дубровского, и он с благодарностью рассказывал об этом в своих ранее опубликованных воспоминаниях⁷.

Однако я уверена, что спас Д.И. Дубровского главным образом его характер настоящего мужчины-воина, который он сохранил до сегодняшнего дня и который мог бы послужить примером еще не одному поколению.

Заключение

Аналитические материалы, интервью и почти вольные размышления на тему советской философии, приведенные в статье, позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, советская философия сознания 50–70-х гг. являла собой одно из принципиально важных направлений в развитии общественного и гуманитарного знания

⁶ А.И. Солженицын назвал В.П. Эфроимсона одним из 257 «свидетелей Архипелага», на чьи рассказы он опирался при написании книги.

⁷ Подробности можно прочесть в интервью 2013 года: <http://oralhistory.ru/talks/orh-1610.pdf>

в целом. В ее становлении в 50-е гг. и в дальнейшем развитии, вплоть до застоя, было много страсти, борьбы и противоречий. Во-вторых, философия сознания оказалась тесно сопряжена с формированием свободномыслящей личности и ее «крушением», и именно 50–70-е гг. оказались наиболее ярким периодом в демонстрации этой коллизии. Советская философская общественность имела в то время ряд поразительных «локусов» для полуофициального поддержания свободы мысли, хотя бы и относительной, в стране, устойчиво демонстрирующей недоверие к любому проявлению самостоятельности и самостоятельности. Это и журнал «Вопросы философии», и Институт философии, и ИНИОН. Здесь работали философы, которые обладали не только самобытным видением проблем философии, но и во многих смыслах оказались проводниками, связывающими в единое отечественную и мировую мысль. Наконец, это было время ярких личностей, способных на поступки, и не менее ярких идей, время, в котором истина и «борьба противоположностей» за нее были важнее политкорректности и всеобщего равнодушия, преданность идее важнее спокойной жизни и обывательского уюта, жизни в «нейтральной полосе».

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Батищев 1969 – *Батищев Г.С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. – М: Наука, 1969. С. 73–144.

Бирюков, Тростников 1977 – *Бирюков Б.В., Тростников В.Н.* Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики. Формализация мышления от античных времен до эпохи кибернетики. – М.: Знание, 1977.

Дубинин 1980 – *Дубинин Н.П.* Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1980. № 11. С. 62–74.

Дубровский 1968 – *Дубровский Д.И.* Мозг и психика (О необоснованности философского отрицания психофизиологической проблемы) // Вопросы философии. 1968. № 8. С. 122–135.

Дубровский 1969 – *Дубровский Д.И.* По поводу статьи Э.В. Ильенкова «Психика и мозг» // Вопросы философии. 1969. № 3. С. 142–146.

Дубровский 1971 – *Дубровский Д.И.* Психические явления и мозг: Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными вопросами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. – М.: Наука, 1971.

Дубровский 1980 – *Дубровский Д.И.* Информация, сознание, мозг. – М.: Высшая школа, 1980.

Дубровский 1983 – *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. – М.: Мысль, 1983.

Дубровский 2018 – *Дубровский Д.И.* Еще раз о феномене слепоглухоты: исторические, философские вопросы и факты фальсификации. Вместо Предисловия ко второму изданию // Слепоглухонемота. Исторические и методологические аспекты. Мифы и реальность / 2-е изд. – М.: ИИНТЕЛЛ, 2018. С. 5–34.

Дубровский, Черносивов 1979 – *Дубровский Д.И., Черносивов Е.В.* К анализу структуры субъективной реальности // Вопросы философии. 1979. № 3. С. 59–65.

Ильенков 1967 – *Ильенков Э.В.* Об эстетической природе фантазии // Панорама: Ежегодник по искусству для молодежи. – М.: Молодая гвардия, 1967. С. 25–42.

Ильенков 1968 – *Ильенков Э.В.* Психика и мозг (ответ Д.И. Дубровскому) // Вопросы философии. 1968. № 11. С. 145–155.

Ильенковские чтения... 2016 – Ильенковские чтения. Материалы XVIII Международной научной конференции. Белгород 28–29 апреля 2016 г. / под ред. А.Д. Майданского. – Белгород: Издательский дом «Белгород», 2016.

Как это было... 2010 – Как это было: воспоминания и размышления / под ред. В. А. Лекторского. – М.: РОССПЭН, 2010.

Каменский 2010 – *Каменский З.А.* О «Философской энциклопедии» // Как это было: воспоминания и размышления. – М.: РОССПЭН. С. 413–451.

Келле 1964 – *Келле В.Ж.* Структура общественного сознания. – М.: Знание, 1964.

Козлова 2005 – *Козлова Н.Н.* «Советские люди»: сцены из истории. – М.: Европа, 2005.

Копнин 1966 – *Копнин П.В.* Введение в марксистскую гносеологию. – Киев: Наукова думка, 1966.

Корсаков 2010 – *Корсаков С.Н.* О первом проекте «Философской энциклопедии» // Философский журнал. 2010. № 2. С. 122–148.

Корсаков 2017 – *Корсаков С.Н.* Иван Тимофеевич Фролов: Жизнь и познание. – М.: ЛЕНАНД, 2017.

Красиков 2010 – *Красиков В.И.* Советская философия 50–80-х // Credo New. 2010. № 4.

Лекторский 1998 – *Лекторский В.А.* Предисловие // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: В 2 кн. Кн. II. 60–80-е гг. / под ред. В.А. Лекторского. – М.: РОССПЭН, 1998. С. 3–10.

Митрохин 2004 – *Митрохин Л.Н.* Из бесед с академиком Ойзерманом // Вопросы философии. 2004. № 5. С. 33–77.

Мотрошилова 2012 – *Мотрошилова Н.В.* Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. – М.: Академический проект, 2012.

Тугаринов 1971 – Тугаринов В.П. Философия сознания. – М.: Мысль, 1971.

Тюпа 2008 – Тюпа В.И. Кризис советской ментальности в 1960-е годы // Социокультурный феномен шестидесятых. – М.: РГГУ, 2018. С. 11–28.

Тюхтин 1978 – Тюхтин В.С. Моделирование интеллекта // Философские науки. 1978. № 1. С. 109.

REFERENCES

Batishchev G.S. (1969) Activity of Human Being as a Philosophical Principle. In: *The Problem of Human Being in a Modern Philosophy* (pp. 73–144). Moscow: Nauka (in Russian).

Biryukov B.V. & Trostnikov V.N. (1977) *Fever of Cold Numbers and the Paths of Passionless Logic. Formalization of Thinking from the Ancient Times to the Age of Cybernetics*. Moscow: Znanie (in Russian).

Dubin N.P. (1980) Biological and Social Inheritance. *Communist*. No. 11, pp. 62–74 (in Russian).

Dubrovsky D.I. (1968) Brain and Psyche (On the Groundlessness of Philosophical Denial of the Psychophysiological Problem). *Voprosy filosofii*. No. 8. pp. 122–135 (in Russian).

Dubrovsky D.I. (1969) Concerning of E.V. Ilyenkov's Article "A Psyche and a Brain." *Voprosy filosofii*. No. 3. pp. 142–146 (in Russian).

Dubrovsky D.I. (1971) *Mental Phenomena and a Brain: Philosophical Analysis of the Problem in a Connection with Some Topical Issues of the Neurophysiology, the Psychology, and Cybernetics*. Moscow: Nauka (in Russian).

Dubrovsky D.I. (1980) *Information, Consciousness, Brain*. Moscow: Vysshaya shkola (in Russian).

Dubrovsky D.I. (2018) Once again about the Phenomenon of Blindness-Deafness: historical, philosophical questions and facts of falsification. Instead of the Introduction to the Second edition. In: *Blind Deafness. Historical and Methodological Aspects. Myths and a Reality*. Moscow: IINTELL (in Russian).

Dubrovsky D.I., Chernosvitov E.V. (1979). On the Analysis of the Structure of Subjective Reality. *Voprosy filosofii*. No. 3, pp. 59–65 (in Russian).

Ilyenkov E.V. (1967) On the Aesthetic Nature of Fantasy. In: *Panorama: Yearbook on Art for Youth* (pp. 25–42). Moscow: Molodaya gvardiya (in Russian).

Ilyenkov E.V. (1968) Psychics and Brain (response by D.I. Dubrovskiy). *Voprosy filosofii*. Vol. 11, pp. 145–155 (in Russian).

Kamensky Z.A. (2010) On "The Philosophical Encyclopedia". In: Lektorsky V.A. (Ed.) *How it Was: Memoirs and Reflections* (pp. 413–451). Moscow: ROSSPEN (in Russian).

- Kelle V.Z. (1964) *Structure of Public Consciousness*. Moscow: Znanie (in Russian).
- Kozlova N.N. (2005) “Soviet People”: *Some Stages from the History*. Moscow: Evropa (in Russian).
- Kopnin P.V. (1966) *Introduction to Marxist Gnoseology*. Kiev: Naukova Dumka (in Russian).
- Korsakov S.N. (2010) On the First Project of Soviet Philosophical Encyclopedia. *Philosophy Journal*. No. 2, pp. 122–148 (in Russian).
- Korsakov S.N. (2017) *Ivan Timofeevich Frolov: Life and Cognition*. Moscow: LENAND (in Russian).
- Krasikov V.I.. (2010) Soviet Philosophy of the 1950s–1980s. *Credo New*. No. 4 (in Russian).
- Lektorsky V.A. (Ed.) (1998) *Philosophy Does not End... From the History of Russian Philosophy. 20th Century. Book 2: The 1960s–1980s*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Lektorsky V.A. (Ed.) (2010) *How It Was: Memories and Reflections*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Maidansky A.D. (Ed.) (2016) *Ilyenkov Readings. Materials of the XVIII International Scientific Conference*. Belgorod: Belgorod Publishing (in Russian).
- Mitrokhin L.N. (2004) From Conversations with Academician T.I. Oizerman. *Voprosy filosofii*. No. 5, pp. 33–77 (in Russian).
- Motroshilova N.V. (2012) *The Soviet Philosophy of the 1950s-1980s of the 20th Century and Western Thought*. Moscow: Academicheskyy proyekt (in Russian).
- Tugarinov V.P. (1971) *Philosophy of Consciousness*. Moscow: Mysl’ (in Russian).
- Tyupa V.I. (2008) The Crisis of Soviet mentality in the 1960s. In: *Social and Cultural Phenomenon of the 1960s* (pp. 11–28). Moscow: Russian State University for the Humanities (in Russian).
- Tyukhtin V.S. (1978) Modeling of Intellect. *Filosofskie nauki*. No. 1, pp. 96–110 (in Russian).